

УДК 821.161.1

С. А. Колесников

ТЕМА ДУХОВНОГО ПАТРИОТИЗМА В ДРЕВНЕРУССКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКАХ

Аннотация: В статье рассматривается проблематика духовного патриотизма, формируемого в сознании древних русичей средствами древнерусской литературы. Целью статьи является демонстрация потенциала духовной литературы для военно-патриотического воспитания. Автор указывает, что война, как кардинальное изменение мировосприятия, приводила к серьёзным преобразованиям восприятия пространственно-временных реалий, духовно-ментальным трансформациям восприятия окружающей реальности. Автор приходит к выводу, что духовный потенциал памятников древнерусской литературы был направлен на укрепление духовного состояния воинов, поэтому данная тематика актуальна для современности.

Ключевые слова: духовный патриотизм, древнерусская литература, война и религия, Церковь и война.

Цитирование: Колесников С. А. Тема духовного патриотизма в древнерусских литературных памятниках / С. А. Колесников // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2023. Вып. 2 (27). С. 196–208.

Сведения об авторе: Колесников Сергей Александрович – доктор филологических наук, проректор по научной работе Белгородской православной духовной семинарии, профессор Белгородского юридического института МВД России (Россия, Белгород). E-mail: skolesnikov2015@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.04.2023

Принята к публикации 02.05.2023

Масштабность и значимость военных действий, направленных на создание единого национального социума, придавали войне в описаниях древнерусских литературных памятников

поистине онтологический характер, характер фактора, преобразующего бытие в целом. Ведь война – особенно война в древности – несла не только разрушение, война и перестраивала бытие, заново переструктурировала окружающий мир. Войны древних не только стирали с лица земли города, но и создавали новые крепости, укрепленные лагеря, переправы, развёрнутую инфраструктуру и многое другое, что становилось своеобразным зерном, из которого выросло нечто новое. Например, уничтожение – трагическое, кровавое уничтожение Рязани Батыем и его потомками привело к возникновению города, который дал место рождения современной Рязани [3, с. 344–361]. Примеры можно продолжить.

Но особенно ярко подобное создание нового бытия с помощью войны наблюдается в религиозной сфере. Стремление снискать благодать Бога в воинских победах подталкивало древнерусских князей создавать условия для постройки новых храмов, монастырей, создавать новые технологии преображения бытия.

Яркая иллюстрация этого процесса – деятельность Андрея Боголюбского. «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» подробно рассказывает о тех трудах по преображению мира с целью представить мир пред ликом Божиим более совершенным, более соответствующим Первообразу. Одно описание построенной церкви князем впечатляет: «Андрей, создал церковь такую на память о себе, и украсил её драгоценными иконами, золотом и дорогими каменьями, и жемчугом крупным бесценным, и снабдил украшеньями разными, и украсил плитами из яшмы и всяким узорным литьём, – блеском осыпав её так, что больно смотреть, ибо вся она в золоте стала. И украсил её, и осыпал утварью золотой, драгоценной, всем входящим на удивленье, так, что всякий, видевший это, не может выразить словом невероятной её красоты; золотом и эмалью, и всякими драгоценностями, и церковным имуществом украшена, и всякой церковной

утварью». Но не только церкви строил Андрей Боголюбский. Он стремился сочетать военную мощь, неприступность отстраиваемых городов и красоту, о чём пишет та же «Повесть...»: «Князь Андрей и город Владимир неприступным сделал, к нему он ворота золотые соорудил, а другие – серебром отделал» [5].

Но не только в материальной сфере проявлялось онто-преобразовательная функция древнерусской войны. Сама сфера духовного изменялась под влиянием военных действий, начинала являть новые грани. Наиболее зримо этот аспект войны обнаруживает себя в количественном и качественном расширении феномена чудесного: число чудес и их сакральная насыщенность во время войны, как фиксировали памятники древнерусской литературы, значительно возрастает. Война становится своеобразным катализатором чудесного, древнерусский человек, находясь на войне, обнаруживает новое зрение, раскрывающее ему ещё большую пронизанность мира чудесами. Описаний в древнерусской литературе чудес, явленных в военное время, огромное количество: уже первые воинские повести XI–XII вв. предлагали читателю развёрнутые рассказы о свершившихся чудесах, определивших ход военных действий или отдельных битв. Начало похода определяется чудесными предзнаменованиями («Слово о полку Игореве» [3, с. 196–213]), чудесные явления небесного воинства свершаются в рядах древнерусских ратников («Житие Александра Невского» [2]), над телами погибших воинов-мучеников является «огненный столп от земли до небес, сияющий пресветлыми лучами на утверждение христиан, и на устрашение поганых, и на обличение тех, кто оставил Бога и поклоняется сотворенному человеком» («Повесть о мучениках Фёдоре и Михаиле» [4])...

Сама возможность появления чуда, расширение пространства соприкосновения обыденного и чудесного во время войны существенно возрастает, – доказывала вся древнерусская литература. Читатель того времени уже ожидал от войны не только

крови, страдания или радости победы, торжества своего войска, но и ожидал чуда, которое, как уверяла древнерусская литература, является органической частью войны [10].

При этом чудо могло происходить не только с окружающим миром. Сам человек мог оказаться в области воздействия чудесного, быть преображённым чудесным. Например, в беллетристическом романе «Александрия» звучит интересная в этом аспекте идея: «Мудрый же Аристотель и великий Платон говорят, что конец мира будет тогда, когда восполнится число отпавших ангелов душами праведников» [1]. И именно война воспринимается как условие возрастания количества праведников. Именно война создаёт те максимально напряжённые духовные условия, которые способны подвигнуть человека на сакрально значимый поступок, принять чудесное как ориентир жизненного пути и начать следовать в своей реальной поведенческой практике категориями чудесного. Человек и чудо во время войны, как была твёрдо уверена древнерусская литература, становятся ближе, в большей степени раскрываются друг другу, создают некое совместное пространство.

Древнерусские литературные памятники настаивают на том, что во время войны чудесное преображение претерпевает даже внешний облик человека, участвующего в этой войне. Причём если война несправедливая, то и облик становится ужасен, как это описывается, например, в «Пространной летописи о Куликовской битве», где сам Мамай даёт наглядное описание внешнего вида татаро-монголов, искажённого несправедливой войной: «Волосы наши разрываются, очи наши не могут горячих слёз источать, языки наши немеют, горло моё пересохло, и сердце замирает, чресла мои окостеневают, колени мои подгибаются, а руки цепенеют» [6]. На войне возникает, по существу, новая антропология, новое строение – даже телесное – человека.

Облик человека на войне настолько может измениться, настолько может стать иным по сравнению с мирным состоянием,

что узнать его в новом, военном обличье становится трудно. Неслучайно на этом аспекте акцентирует своё внимание «Александрия», описывая фантастическое сражение между индийцами и македонянами: «И когда сошлись оба войска, солнце от праха померкло, и страх охватил индийцев и македонян. Вместе смешались все, и одни других не узнавали». Неузнавание самих себя в новом военном облике – тоже следствие телесного, видимого преобразования, осуществлённого войной.

Но война способна изменить не только внешне человека, но и внутренне, духовно и морально, но главное – религиозно. Отчётливо подобный аспект религиозно-военного преобразования мы обнаруживаем уже в первые этапы христианизации Руси – например, в «Поучении» Владимира Мономаха. Война научает, считал и наставлял Владимир Мономах, без-страшному взгляду на мир, на свою роль в этом мире. «Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, – писал он в «Поучении», – дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлёт. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберёгся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено». Война, как один из пунктов перечня, способна воспитать в человеке анти-страх перед земными испытани-ями, с одной стороны, и культивировать страх Божий, с другой [3, с. 146–171].

Но, возможно, максимальные следствия преобразования бытия войной обнаруживаются при раскрытии древнерусской литературой темы родной земли. Своя земля, исконно национальная территория трансформируется древнерусской литературой в своеобразного сакрального соратника и защитника русского народа. Ощущение связанности и защищённости Русской землей проходит, например, через всё «Слово о полку Игореве», достаточно вспомнить постоянно возникающий возглас «О Русская земля! Уже за холмом ты!», звучащий то напоминанием о нарастающей опасности, незащищённости, то возрастающий

надеждой на поддержку. Противопоставление Русской земли, своей земли и «земли неведомой» пересекается в «Слове...» с религиозной тематикой, ведь именно там начинают действовать в полную силу иные, неведомые боги, там, за пределами родной земли «ночь стенаниями грозными птиц пробудила, свист звериный поднялся, встрепенулся Див, кличет на вершине дерева, велит прислушаться к земле неведомой» [3, с. 196–213].

Призыв к поддержанию диалога с родной землёй, сакральная возможность разговора с ней появляется и в цикле повестей, посвящённых Куликовской битве. Приведём эпизод, когда воевода Боброк прислушивается к пророческому голосу земли, предвещающему и победу, и многие жертвы, и говорит: «...Слышал я землю, рыдающую двояко: одна сторона, точно какая-то женщина громко рыдает о детях своих на чужом языке, другая же сторона, будто какая-то дева вдруг вскрикнула громко печальным голосом» – подчёркивает особый религиозно-мистический смысл понятия родной земли.

Несомненно, в подобных предсказаниях сквозит ещё дохристианский опыт Руси, остатки анималистического мировосприятия, ведь одушевление земли, как и рек, ветра и т. п. не может рассматриваться как признак христианского мировосприятия, однако, хотелось бы обратить внимание на многозначный образ-момент: Русская земля, «дева», вступает в диалог с «женщиной», говорящей на чужом языке, с землей чужой, неведомой. Подобный подход мы встречаем не только в «Сказании о Мамаевом побоище» [8], но уже в «Слове о полку Игореве» [3, с. 196–213], говорится о мистико-метафорической связи Русской земли с землями иными, с «полями чужими»: «в поле чужом среди земли половецкой. Чёрная земля под копытами косями засеяна, а кровью полита: горем взошли они на Русской земле!». Включение Русской земли через трагедию войны в мировой ландшафт, вселенский ландшафт – уже признак христианского мироощущения, основанного на признании единства мира Божьего.

В литературных памятниках Древней Руси фиксируется чёткая связь между нарастающей военной мощью и мощью земли. Например, в Тверской летописи в описании татаро-монгольского нашествия возникает такой эпизод: «От битвы на Калке до землетрясения прошло немного времени – восемь лет, и тогда случился голод, а от землетрясения до нашествия Батыея прошло восемь лет. Поэтому не разбогатела наша земля, но, напротив, ещё более оскудела». Древнерусский книжник категорически настаивает на существовании мистической связи между потрясением земли – родной земли – и сотрясением наземного мира войной. И здесь родная земля также выступает как предсказатель надвигающихся бедствий, стремится предупредить тех, кто живёт на ней, о грозящей опасности, при этом, как и люди, теряющая свою мощь и не способная в полной мере защитить их от врага [7].

А в том, что родная земля способна оказывать реальную военную помощь, древнерусский человек не сомневался. При этом показательно, что оказывает помощь родная земля по воле Божьей, что можно рассматривать как преодоление в древнерусском сознании анималистических тенденций христианскими. Во время спасения князя Игоря «Бог указывает путь из земли Половецкой на землю Русскую», и земля Русская по Божьей воле спасает беглеца и выводит его «к отчему золотому престолу».

Если же рассмотреть в военном отношении роль «родной земли», то её значимость становится ещё более очевидна. Уже военно-тактические условия ландшафта во многом определяли ход и успешность сражения. Неслучайно крупнейший военный историк Г. Дельбрюк рассматривал ландшафт той или иной битвы как своеобразно историко-исследовательский шифр, дающий разгадку перипетиям тех или иных сражений: «Местность, на которой даётся сражение, – это настолько важный элемент, что как только он расшифрован, так раскрывается и вся картина данного военно-исторического события» [9, с. 195]. Но вместе

с тем практическое знание местности для древнерусского воина усиливалось ещё и чувством религиозной общности с родной землёй. Русская земля выступает во многих памятниках древнерусской литературы как соратник, как союзник, как полноправный участник диалога и взаимодействия. В «Повести о разорении Рязани Батыем» князь Ингварь Ингваревич призывает землю разделить скорбь о погибших рязанских воинах: «О земля, о земля, о дубравы, поплачите со мною!»; в «Слове о погибели земли Русской» даётся целый фрагмент, воспевающий утраченную красоту и мощь Русской земли, разорённые военным нашествием: «О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полями, дивными звѣрьми, различными птицами, бещисленными города великими, селы дивными, винограды обителными, дома церковными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руская, о прававѣрная вѣра хрестияньская» [3, с. 344–361]. Показательна эта связка земли русской и веры христианской...

И именно Русская земля может рассматриваться в качестве духовно-мистического фактора, определяющего победу над врагами. Конечно, ещё раз можно сказать о тактическом таланте древнерусского командования, которое, например, в ходе подготовки к Куликовской битве «умело выбрало поле для боя, лишив противника возможности использовать своё численное превосходство и заставив его вести фронтальную атаку при отсутствии условий для обхода или охвата флангов боевого порядка русской рати». Но при этом нельзя исключать и иррациональный момент древнерусской битвы: именно «земля Русская – Русь великая одолеша рать татарскую на поле Куликове на речке Непрядве», как писал в своём «Слове» Софроний Рязанец [3, с. 380–397]. Именно землёй Русской прикрыли свои фланги

русские воины от отработанных веками кольцевого манёвра татар, и именно земля Русская выступила защитником и соратником русских войск. И это только отдельный пример преобразования войной пространства, зафиксированный в памятниках древнерусской литературы.

В целом можно утверждать, что война масштабно и глобально меняла религиозные представления русичей о пространстве. Несомненно, на процесс изменения войной пространственного восприятия на Руси повлияли и мировые религиозные процессы. Можно вспомнить, что пространственное понимание войны было особенно актуализировано ещё со времён крестовых походов, когда сформировалось устойчивая установка на специфически пространственное восприятие войны. Существовала даже целая пространственная классификация, подразумевающая особые способы преодоления пространства войной. Например, религиозно ориентированные войны – а такими являлись практически все войны Средневековья – могли обозначаться такими терминами, как *peregrinatio* (странствование), *expeditio* (поход), *iter in Terram sanctam* (путь в Святую землю), «заморское странствование», «путь по стезе господней». Прохождение войной по пространству приобретало сакральные оттенки, при этом само пространство существенно преобразовывалось в религиозном ключе [11].

Важным для религиозно-пространственного восприятия войны на Руси становится пронизанность пространства эмоциями и ощущениями живых, своеобразное одушевление пространства. Например, в «Пространной летописи о Куликовской битве» пространство накануне битвы словно соучаствует в надвигающемся сражении, становится неотъемлемым участником приближающегося противостояния. «И отверзлись запоры смертные, задрожала земля, – пишет летопись, – охватил ужас воинов, собравшихся издалека, с востока и запада. Пошёл гул земной за Дон, в дальние концы земли, и, лютый и страшный,

стремительно перекатился он через Дон, так что и основание земли заколебалось от множества сил». Иное измерение пространства, иное ощущение пространства, возникающие во время войны, носят в древнерусской литературе отчётливо религиозный характер. Воспринятое из Литургии особое отношение к сакральному пространству переносится на пространство мира, где каждое движение и продвижение пространства обретает глубокий символический смысл и трансцендентальную значимость.

Источники

1. Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века : изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье, О. В. Творогов. – М. : Наука, 1965. – 265 с.

2. Житие Александра Невского // Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святого Дмитрия Ростовского / в 12 кн. – Москва : Ковчег, 2010. – Кн. 8. – 480 с.

3. Изборник : сборник произведений литературы Древней Руси : сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачёва. – М. : Худ. лит., 1969. – 800 с.

4. Повесть о мучениках Фёдоре и Михаиле // Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М. : Синодальная типография, 1915. – 110 с.

5. Повесть об убиении Андрея Боголюбского: Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей : в 43 томах. – СПб., 1908. – Т. 2. – С. 580–595.

6. Пространная летопись о Куликовской битве // Полное собрание русских летописей : в 46 томах. – Л., 1925. – Т. 4, Ч. 1. – стбл. 321–325.

7. Тверской сборник летописей // Полное собрание русских летописей: в 46 томах. – М., 1965. – Т. 15. Стлб. 335–343, 365–375.

8. Сказание о Мамаевом побоище // Лицевая рукопись XVII в. из собрания Государственного Исторического музея. – М. : Советская Россия, 1980. – 270 с.

Литература

9. История военного искусства в рамках политической истории / Г. Дельбрюк // в 4 томах. – Спб. : Наука, 2001. – Т. 1.

10. Колесников, С. А. Духовное осмысление реальности в военной литературе эпохи благоверного князя Православной Руси – святого воина Александра Невского / С. А. Колесников // Труды Белгородской духовной семинарии. – Белгород, 2021. – С 233–241.

11. Колесников, С. А. Духовно-нравственная проблематика произведений древнерусской литературы в религиозном осмыслении воинского подвига / С. А. Колесников // Александр Невский: запад и восток, историческая память народа : ежегодные Митрофановские церковно-исторические чтения. (г. Борисоглебск, 5 декабря 2020 г.). – Вып. V. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. – С. 150–158.

S. A. Kolesnikov

THE THEME OF SPIRITUAL PATRIOTISM IN OLD RUSSIAN LITERARY MONUMENTS

Abstract: The article deals with the problems of spiritual patriotism, formed in the minds of ancient Russians by means of ancient Russian literature. The purpose of the article is to demonstrate the potential of spiritual literature for military-patriotic education. The author points out that the war, as a cardinal change in worldview, led to serious transformations in the perception of spatio-temporal realities, spiritual and mental transformations in the perception

of the surrounding reality. The author comes to the conclusion that the spiritual potential of the monuments of ancient Russian literature was aimed at strengthening the spiritual state of the soldiers, so this topic is relevant for the present.

Key words: spiritual patriotism, ancient Russian literature, war and religion, Church and war.

Sources

1. Botvinnik M. N., Lurie Ya. S., Curds O. V. (eds) Aleksandrija. Roman ob Aleksandre Makedonskom po russkoj rukopisi XV veka [Alexandria. A novel about Alexander the Great based on a Russian manuscript of the 15th century]. Moscow, 1965, 265 p. In Russian.

2. Zhitie Aleksandra Nevskogo [Life of Alexander Nevsky]. In *Zhitija svjatyh na russkom jazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ih-Minej svjatogo Dimitrija Rostovskogo* [Lives of the Saints in Russian, set out according to the guidance of the Menaia of St. Demetrius of Rostov]. In 12 books. Moscow, 2010, Book 8, 480 p. In Russian.

3. *Izbornik: sbornik proizvedenij literatury Drevnej Rusi* [Dmitriev L. A., Lihachev D. S. (eds) *Izbornik: a collection of works of literature of Ancient Rus'*]. Moscow, 1969, P. 800. In Russian.

4. *Povest' o muchenikah Fedore i Mihaile* [The Tale of the Martyrs Theodore and Michael]. In *Serebrjanskij N. I. Drevnerusskie knjazheskie zhitija* [Serebryansky N. I. Old Russian princely lives]. Moscow, 1915, P. 110. In Russian.

5. *Povest' ob ubienii Andreja Bogoljubskogo: Ipat'evskaja letopis'* [The Tale of the Murder of Andrei Bogolyubsky: Ipatiev Chronicle]. In *Polnoe sobranie russkih letopisej: v 43 tomah* [Complete Collection of Russian Chronicles: in 43 volumes]. St. Petersburg, 1908, Vol. 2, pp. 580–595. In Russian.

6. *Prostrannaja letopis' o Kulikovskoj bitve* [A lengthy chronicle about the Battle of Kulikovo]. In *Polnoe sobranie russ-*

kih letopisej: v 46 tomah [Complete collection of Russian chronicles: in 46 volumes]. Leningrad, 1925, Vol. 4, Part 1, pp. 321–325. In Russian.

7. Tverskoj sbornik letopisej [Tver collection of chronicles] In *Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. – Moscow, 1965, pp. 335–343, 365–375. In Russian.

8. Skazanie o Mamaevom poboishhe [Legend of the Battle of Mamaev]. In *Licevaja rukopis' XVII v. iz sobranija Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeja* [Front manuscript of the 17th century. from the collection of the State Historical Museum]. Moscow, 1980, 270 p. In Russian.

Literature

9. Delbrück G. Istorija voennogo iskusstva v ramkah politicheskoi istorii [History of military art within the framework of political history]. In 4 volumes. St. Petersburg, 2001. Vol. 1. In Russian.

10. Kolesnikov S. A. Duhovnoe osmyslenie real'nosti v voennoj literature jepohi blagovernogo knjazja Pravoslavnoj Rusi – svjatogo voina Aleksandra Nevskogo [Spiritual understanding of reality in the military literature of the era of the noble prince of Orthodox Rus' – the holy warrior Alexander Nevsky]. In *Trudy Belgorodskoj duhovnoj seminarii* [Proceedings of the Belgorod Theological Seminary]. Belgorod, 2021, pp. 233–241. In Russian.

11. Kolesnikov S. A. Duhovno-nravstvennaja problematika proizvedenij drevnerusskoj literatury v religioznom osmyslenii voinskogo podviga [Spiritual and moral problems of the works of ancient Russian literature in the religious understanding of the military feat]. In *Aleksandr Nevskij: zapad i vostok, istoricheskaja pamjat' naroda: ezhegodnye Mitrofanovskie cerkovno-istoricheskie chtenija. (g. Borisoglebsk, 5 dekabrja 2020 g.)* [Alexander Nevsky: West and East, the historical memory of the people: annual Mitrofanov church-historical readings (Borisoglebsk, December 5, 2020)]. – Issue V. Voronezh, 2020, pp. 150–158. In Russian.